

же остальных районах страны с явным преобладанием англоязычного населения языковые переходы из франкоязычной группы столь велики, что их невозможно компенсировать без дополнительного притока франкоязычного населения из других регионов страны или из-за рубежа¹⁴.

Если говорить о тенденции, то степень языковой ассимиляции среди франкоязычных жителей за пределами провинции Квебек усиливается во всех районах, кроме Нью-Брансуика, где она стала слабее в 70-е годы. Предпринятые в этой провинции меры в области школьного образования, возможно, помогли приостановить процесс усиления языковой ассимиляции франкофонов. В целом на сегодняшний день почти во всех случаях, когда франкоязычные канадцы составляют менее 95% населения, они теряют носителей языка при культурных контактах в пользу англофонов.

При рассмотрении тенденций двуязычия важен вопрос о выборе языка общения в смешанных семьях. Ясно, что языковая мобильность для всех групп ниже в моноязычных семьях, чем в разноязычных. В тех случаях, когда смешанные пары состоят из англофонов и франкофонов, вероятность принятия английского языка как языка домашнего общения гораздо больше, чем французского языка, причем эта закономерность действует независимо от пола и во всех районах страны, включая Квебек¹⁵.

Подводя итог сказанному, можно сделать заключение, что тенденции языкового (англо-французского) дуализма, или так называемого официального двуязычия, в Канаде не свидетельствуют об этнокультурном сближении двух канадских наций. Некоторое увеличение численности билингвов под влиянием прежде всего демографического фактора, а также урбанизации, роста культурно-образовательного уровня населения и целенаправленных мер в области языковой политики скорее отражает происходящий через двуязычие процесс языковой ассимиляции, которая обычно предшествует ассимиляции этнической. Двуязычие действует в пользу англоязычного населения, вызывая и усиливая явления этнической разобщенности между англоканадцами и франкоканадцами. Что же касается официальной политики двуязычия, то можно вполне определенно сказать, что она не достигла цели укрепления единства канадской федерации на основе формирования «бикультурной нации». Путь малоэффективных частичных уступок франкоканадцам, в том числе некоторого повышения их языкового статуса в обществе, без решительных перемен в социально-экономической системе и правовом положении Квебека оказался неспособным как-то существенно повлиять на общую этническую ситуацию, отмеченную прежде всего принижением статусом одной из двух основных этнических общностей страны — франкоканадской нации.

¹⁴ Ibid., p. 175.

¹⁵ Ibid., p. 178.

П. В. Грибанов

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГАЙАНЕ

По характеру формирования населения Гайана — небольшая страна на Северо-Востоке Южной Америки — больше напоминает англоязычные островные государства Карибского моря, в прошлом называвшиеся Британской Вест-Индией, чем соседние латиноамериканские страны.

Как известно, современное население Нового Света складывалось в результате взаимодействия индейских народов и групп иностранцев, появившихся здесь вследствие двух волн иммиграции: 1) XVI—XVII вв. — европейцы (в Северной Америке выходцы из Британии, Ирландии и Франции, в Южной Америке — из Испании и Португалии)

и (в меньшей степени) рабы-африканцы; 2) XIX — начало XX в. — выходцы из тех же государств и, кроме того, из Италии, стран Восточной и Центральной Европы, а также (значительно меньше) Азии и Африки. Британская Вест-Индия тоже приняла две волны иммигрантов, но в XVI—XVIII вв. это были преимущественно рабы-африканцы, а в XIX—XX вв. — выходцы из стран Азии. Относительно небольшое индейское коренное население почти не участвовало в формировании новых этнических общностей. Белое население было немногочисленно, но составило правящий слой, и его культура оказала большое влияние на культуру других этнических компонентов колониальных обществ.

Длительная колониальная зависимость обусловила современные экономические, социальные и политические особенности англоязычных стран Карибского бассейна. После распада колониальной системы и образования самостоятельных государств сохраняется стремление к единству внутри всего Карибского комплекса, чему способствует деятельность КАРИКОМ (Карибского сообщества), направленная не только на экономическую интеграцию, но и на дальнейшее сближение культур входящих в него стран¹.

Вместе с тем политические, экономические и культурные изменения способствуют усилению процесса формирования наций — ямайской, барбадосской, гренадской и др.

Одновременно в ряде стран б. Британской Вест-Индии с полиэтничным населением (Гайана, Тринидад и Тобаго, Белиз), а также в Суринаме проявляется и тенденция к консолидации отдельных этнических групп. Ю. В. Бромлей отмечает, что этнические процессы «могут идти как бы на разных ярусах, и притом подчас даже в разных направлениях»². Действительно, в Гайане процесс формирования новой «гайанской» этнической общности мало заметен на фоне консолидации двух основных этнических групп — индогайанцев и афрогайанцев (креолов)³. Высказывалось мнение, что в дальнейшем эти группы превратятся в «микронации»⁴. Как правило, в Гайане сознание на уровне этнических групп играет большую роль, чем общегосударственное, что находит выражение и в этнонимах. Гайанец африканского происхождения называет себя «креолом», «африканцем», «гайанцем» (в зависимости от конкретной ситуации), иногда «цветным» (если это мулат) или «черным»; гайанец индийского происхождения — «индийцем», однако, приехав в Великобританию, — «индийцем из Гайаны», а в Индию — «гайанцем». Кроме того, в Великобритании уроженцы Гайаны и островных англоязычных стран нередко называют себя «вест-индцами»⁵. Как видим, существует своеобразная иерархичность этнического самосознания, по-разному проявляющаяся в разном этническом окружении, что отражает объективный ход этнических процессов.

Проблема соотношения этнического и социального в Гайане в разные периоды ее истории и на современном этапе советской наукой почти не освещалась, в то время как на материале островных государств Карибского бассейна подобные исследования уже осуществлены⁶; имеется также статья об этнических и социальных процессах в Белизе⁷. Гайан-

¹ Нитобург Э. Л. Введение к кн. «Этнические процессы в странах Карибского моря». М.: Наука, 1982, с. 22.

² Бромлей Ю. В. К типологизации этнических процессов. — В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 8.

³ В Гайане и других англоязычных странах Карибского бассейна в отличие от стран Латинской Америки креолами называют потомков рабов-африканцев.

⁴ Кочнев В. И. Гайана. Формирование современного этнического состава. — В кн.: Этнические процессы в странах Южной Америки. М.: Наука, 1981, с. 474.

⁵ Нитобург Э. Л. Указ. раб., с. 22.

⁶ Дридзо А. Д. Индийцы Ямайки. — Расы и народы, т. 5. М.: Наука, 1975; *его же*. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л.: Наука, 1978; *его же*. Тринидад и Тобаго. — В кн.: Этнические процессы в странах Карибского моря. М.: Наука, 1982; *его же*. Ямайка. — Там же.

⁷ Грибанов П. В. Население Белиза: этнополитическая общность в процессе становления. — Сов. этнография, 1983, № 1.

ской ситуации посвящены в основном работы обзорного характера⁸. Удачная попытка анализа процесса формирования современного этнического состава страны была предпринята В. И. Кочневом⁹. Однако в целом, на наш взгляд, проблема нуждается в специальном рассмотрении.

Настоящая работа, разумеется, не преследует цель окончательно решить вопрос о причинах сложившегося соотношения этнического и социального компонентов в структуре гайанского общества. Мы попытаемся осветить лишь ряд моментов, которые, по нашему мнению, определили современный этносоциальный облик страны.

Как отмечал Ю. В. Бромлей, существуют две стороны национальных процессов — социальная и этническая¹⁰, точнее этнокультурная. Этнические и социальные процессы в конечном счете и определяют характер того или иного этносоциального организма. Поэтому основное внимание мы уделим именно этносоциальным процессам в их историческом развитии, опираясь на ленинское положение о необходимости конкретно-исторического подхода к анализу общественных явлений¹¹.

По данным С. И. Брука, в Гайане в 1978 г. проживало 400 тыс. индогайанцев (48,8% всего населения) и 360 тыс. афрогайанцев (43,9%)¹². Наряду с этими основными группами в стране живут потомки выходцев из Китая, португальцев с Мадейры и Азорских островов, а также около 37 тыс. индейцев — коренных жителей. Имеются небольшие группы англичан, американцев США, англо-канадцев и «сирийцев» (потомков выходцев из стран Ближнего Востока). Необходимо также отметить, что внутри индо- и афрогайанской общностей выделяются еще этнорасовые группы. Мулаты, метисы и негры отличаются не только расовыми, но и этнокультурными особенностями и осознают себя как отдельные, хотя и близкие между собой, группы. В индогайанской общности выделяются потомки темнокожих иммигрантов из Южной Индии. Коренное население состоит из нескольких племен, говорящих на языках трех различных языковых семей, — андо-экваториальной, же-пано-карибской и макро-чибча.

Географически население распределено крайне неравномерно. В целом Гайану можно разделить на две области — побережье (узкая полоса вдоль берега Атлантического океана от р. Померун до границы с Суринамом), где сосредоточена основная часть населения, и внутренние районы, заселенные преимущественно индейцами (другие этнические группы весьма малочисленны).

Население побережья в культурном, этническом и расовом отношении гетерогенно. Здесь также существует определенная локальная обособленность представителей различных этносов. В сельской местности побережья индогайанцы и креолы живут обычно в разных селениях¹³, а в городах можно выделить кварталы с преимущественно афро- и индогайанским населением. Вместе с тем, на наш взгляд, большую роль играет социальная, а не географическая обособленность различных этнических групп. Индогайанцы — в основном рабочие сахарных плантаций и фермеры-рисоводы, реже — предприниматели. Имеется также интеллигенция индийского происхождения. Афрогайанцы — главным образом рабочие промышленных предприятий, бокситовых разработок, служащие; число фермеров и сельскохозяйственных рабочих африканского и смешанного происхождения незначительно. Португальцы и китайцы — мелкие предприниматели и работники сферы обслуживания, хотя из их среды выдвинулись и крупные чиновники. Англичане и американцы США —

⁸ Софинский В. Н. Население Британской Гвианы. — В кн.: Нации Латинской Америки. М.: Наука, 1964; *его же*. Британская Гвиана. — В кн.: Гвиана. Гайана. Гвиана Французская. Суринам. М.: Наука, 1969; *его же*. Национальный вопрос в Гайане. — Расы и народы, т. 1. М.: Наука, 1971.

⁹ Кочнев В. И. Указ. раб.

¹⁰ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 155.

¹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 25, с. 265.

¹² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 731.

¹³ Tinker J. The Banyan Tree. Oxf., 1977, p. 89.

преимущественно технические специалисты, большинство «сирийцев» занято мелкой торговлей в городах. Индейцы — коренное население страны — в значительной степени сохраняют традиционные занятия: потребительское земледелие, охоту и рыболовство, хотя некоторые из них работают по найму на лесозаготовках, в строительстве, на золотых и алмазных копях, а также пастухами (в саванне Рупунуни).

Подобное соотношение этнического и социального было, на наш взгляд, обусловлено исторически. История Гайаны являет собой пример того, как европейские колонизаторы, руководствуясь интересами получения прибыли, создали систему зависимой экономики, определившей формирование своеобразной социальной структуры и этнически гетерогенного состава населения.

Независимость страны была провозглашена в 1966 г.; до этого Гайана была колонией и называлась Британской Гвианой. В ней за время колониального владычества Великобритании сложился тип общества, во многом аналогичный существовавшим в колониальных странах Азии и Африки. Д. А. Ольдерогге, характеризуя этносоциальную ситуацию в Тропической Африке, отмечал, что «почти столетнее порабощение ее народов создало особый тип общества, который следует назвать колониальным обществом»¹⁴. При всем отличии Британской Гвианы от африканских стран термин «колониальное общество» здесь, по нашему мнению, также вполне применим. Расовая неравноценность, выделяемая Д. А. Ольдерогге как одна из основных черт колониального общества¹⁵, легла в основу известной зависимости социального положения человека от его расовой и этнокультурной принадлежности.

История Гайаны делится на ряд этапов, каждый из которых характеризуется значительными изменениями социальной и этнической структуры. В доколониальный период население страны представляло собой конгломерат племен охотников, собирателей и земледельцев. В результате европейской колонизации здесь было создано плантационное хозяйство (середина XVII в.). С этого времени политической и экономической жизнью руководили европейцы. Вплоть до начала XIX в. территория современной Гайаны была объектом борьбы между Великобританией, Нидерландами, Францией и Испанией. Этнический состав плантаторов в этот период был довольно пестрым: «рядом с англичанами и голландцами жили сефарды и французские гугеноты»¹⁶. Однако уже в конце XVIII в. плантации стали сосредотачиваться в руках англичан (несмотря на то, что страна находилась под властью Нидерландов)¹⁷, а установление господства Великобритании в 1814 г. повлекло за собой окончательную «англизацию» высшего слоя колониального общества.

Коренное население почти не участвовало в создании плантационного хозяйства. Основной рабочей силой на плантациях были рабы из разных районов Западной Африки. Африканцы и их потомки к концу XVIII — началу XIX в. составили большинство населения побережья и стали основой формирующейся в стране новой этнической общности¹⁸. Ввоз африканцев и явился здесь, по сути дела, иммиграцией «первой волны». В начале XIX в. среди рабов развернулась деятельность английских протестантских миссионеров, обусловившая переход большинства африканцев и их потомков в христианство. В результате взаимодействия английской и традиционных африканских культур складывался этнокультурный облик новой общности — креольской¹⁹.

¹⁴ *Ольдерогге Д. А.* Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки (постановка проблемы). — В кн.: Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л.: Наука, 1973, с. 4.

¹⁵ Там же, с. 8.

¹⁶ *Lowenthal D.* Population Contrasts in the Guyanas. — *Geograph. Rev.* N. Y., 1960, v. L, 1/1, p. 48.

¹⁷ *Rodway J.* Guiana: British, Dutch and French. L., 1912, p. 88.

¹⁸ В 1828 г. на территории современной Гайаны жило 100 тыс. рабов (африканцев и креолов) и 3529 европейцев. См. *Despres L.* Differential Adaptation and Micro-Cultural Evolution in Guyana. — *South Western J. Anthropol.*, 1969, № 25, p. 20.

¹⁹ Подробнее см. *Грибанов П. В.* История этнокультурных изменений и формирование креольской этнической общности в Британской Гвиане (XVII — первая половина

Промежуточное положение между рабами-чернокожими и рабовладельцами-белыми занимали свободные негры и мулаты — ремесленники, а также надсмотрщики на плантациях (мулаты, как правило, — дети белых плантаторов и их чернокожих наложниц). Социальная принадлежность человека определялась в большинстве случаев цветом его кожи и в какой-то мере культурной близостью к европейцам. Поэтому мулаты свысока смотрели на негров и, как и свободные негры, стремились «англизироваться». После отмены в 1834 г. рабства усилился процесс креолизации, т. е. взаимодействия и взаимопроникновения двух элементов — африканского и европейского, и «англизация» бывших рабов являлась составной его частью.

Отмена рабства и начавшаяся почти сразу же иммиграция законтрактанных рабочих положили начало новому этапу социальной и этнической истории колонии. Большинство освобожденных рабов стало мелкими фермерами. Развитие креольского фермерства с самого начала ограничивалось нехваткой земли, узостью внутреннего рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Фермеры-креолы вынуждены были заниматься приработком на плантациях. Некоторое число освобожденных рабов переселилось в города, став ремесленниками и рабочими.

В результате иммиграции «второй волны» (1838—1917 гг.) в Британской Гвиане появились португальцы, индийцы и китайцы. Первоначально они ввозились для работы на плантациях в качестве законтрактанных рабочих, но впоследствии в их среде произошла дифференциация. Португальцы, отработав срок контракта, становились преимущественно мелкими торговцами, сравнительно легко получая необходимые для этого кредиты; последнему немало способствовала их расовая близость к плантаторам и чиновникам колониальной администрации. С начала 60-х годов XIX в. относительно большие размеры приобрела «свободная» иммиграция жителей Мадейры и Азорских островов. Португальцы прибывали целыми семьями, рассчитывая с помощью ранее приехавших соотечественников заняться торговлей²⁰. Они становились «средним классом» колонии, занимая промежуточное положение между англичанами и остальным населением. Уже во втором и особенно в третьем поколениях португальцы Британской Гвианы переходили на английский язык. Англичане иногда вступали в браки с представительницами зажиточных португальских семейств, однако в целом португальцы в колонии были обособлены от других европейцев. Они сохраняли многие особенности быта, а также приверженность к католической религии.

Значительная часть китайцев, отработав срок контракта, покинула страну. В 1881 г. в Британской Гвиане проживало 5234 китайца, а к 1911 г. — 2622²¹. Часть китайцев продолжала работать на плантациях, но большинство стало мелкими торговцами и работниками сферы обслуживания. Повышение социального статуса выходцев из Китая и их потомков было в определенной мере связано с переходом в христианство: в 1946 г. в колонии оставалось лишь 7 буддистов и 4 конфуцианца²². Потомки выходцев из Китая сохраняли (и до сих пор сохраняют) некоторые особенности быта, в первую очередь кухни. Женщин было меньше, чем мужчин, поэтому последним приходилось вступать в браки с креолками.

Португальцы и китайцы расселились дисперсно в городах и креольских селениях, что в известной степени затрудняло сохранение их этнической самобытности. Тем не менее к концу XIX — началу XX в. португальцы и китайцы составляли отдельные группы в структуре колониального общества. К этому времени в стране появились китайские и португальские культурные и просветительские организации.

XIX века). — В кн.: Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М., 1982 (роталпринт).

²⁰ *Laurence K. O.* The Establishment of the Portuguese Community in British Guiana. — *Jamaican Historical Rev.*, 1965, v. 5, № 2, p. 72.

²¹ *Campbell P. C.* Chinese Coolie Emigration to Countries within the British Empire. L., 1923, p. 160.

²² *Smith R. J.* The British Guiana. L., 1962, p. 120.

Иммиграция с Мадейры, Азорских островов и из Китая не могла до конца решить проблему дешевой рабочей силы для плантаций. Ввоз законтрактованных рабочих из Индии полностью удовлетворил потребности плантационного хозяйства. Начался он в 1838 г. и продолжался (с перерывами) до 1917 г.²³, когда контрактация была запрещена властями Британской Индии; всего было ввезено около 240 тыс. человек²⁴. Основная масса индийцев оставалась рабочими плантаций, но постепенно появились торговцы и фермеры, а позже и представители интеллигенции. С середины 70-х годов XIX в. колониальные власти стали предоставлять индийцам, пожелавшим остаться в стране, вместо оплаты обратного проезда участок земли для занятия сельским хозяйством. Кроме того, индийцы покупали землю у частных лиц. Если в 1890 г. вне плантационных поселков проживало около 30% всего населения индийского происхождения, то в 1911 г.— уже 50%. Значительная часть выходцев из Индии и их потомков становилась фермерами-рисоводами. Многие из них совмещали труд на собственных фермах с работой на плантациях. Сельскохозяйственным рабочим на плантациях также предоставлялись участки для занятия рисоводством и огородничеством²⁵. Индийская группа дифференцировалась социально, хотя в целом и оставалась «сельской». В 1911 г. 94% индийцев жило в сельской местности и 92% совершеннолетних мужчин было занято в сельском хозяйстве²⁶. Численность городского населения индийского происхождения была невелика.

Постепенно менялся и этнокультурный облик выходцев из Индии и их потомков. В Британскую Гвиану прибывали индийцы различной конфессиональной, этнической, кастовой и даже расовой принадлежности²⁷. Однако инородное этническое окружение способствовало укреплению связей внутри группы выходцев из Индии. Под влиянием конкретных условий жизни в колонии происходили изменения в традиционной культуре индийцев, хотя и не имевшие столь радикального характера, как в XVII—XVIII вв. у рабов-африканцев. Система контрактов, во многом напоминая рабство, все же не была эквивалентна последнему²⁸. Законтрактованные рабочие пользовались личной свободой, могли сохранять любые формы культуры, не наносящие ущерба производственному режиму на плантациях²⁹. С появлением индийского фермерства и отменой в 1917 г. системы контрактов эта возможность значительно расширилась.

В начале XX в. отмечается активизация религиозной и культурной жизни индийцев в колонии. Стремительно растет число храмов индуистов и мечетей (в 1870 г.— 2, в 1917 г.— 43)³⁰, появляются культурные и спортивные общества. В 1916 г. возникает Ассоциация индийцев Британской Гвианы, провозгласившая своей задачей «борьбу за прогресс индийского населения страны»³¹. Относительно большая численность выходцев из Индии и их потомков, как и локальная и социальная обособленность значительной их части от других этнических групп, способствовала более устойчивой передаче ряда элементов традиционной культуры от поколения к поколению. Сохранялись приверженность к традиционным религиям — индуизму и исламу³², одежда (прежде всего

²³ Необходимо отметить, что отдельные группы индийцев прибывали в Британскую Гвиану до 1926 г.

²⁴ *Reno Ph.* The Ordeal of British Guiana. L., 1962, p. 5.

²⁵ *Cumpston I. M. A. Survey of Indian Immigration to British Tropical Colonies to 1910.*— Population Studies, 1956, v. 10, № 2, p. 163.

²⁶ *Roberts G. W. Some Observations on the Population of British Guiana. 1911—1948.*— Population Studies, 1948, v. II, № 2, p. 186.

²⁷ Подробнее об индийской иммиграции см.: *Кочнев В. И.* Указ. раб., с. 468—472.

²⁸ Подробнее о системе контрактов см.: *Джаган Ч.* Запад на скамье подсудимых. М.: Мысль, 1969; *Софинский В. Н.* Британская Гвиана.

²⁹ *Smith R. T., Jayawardena Ch.* Caste and Social Status among the Indians of Guyana.— In: Caste in Overseas Indian Communities. San Francisco, 1967, p. 324.

³⁰ *Nath Dw.* A History of Indians in British Guiana. L., 1950, p. 145.

³¹ *Ruhomon P.* Centenary History of the East Indians in British Guiana. 1838—1938. Georgetown, 1947, p. 78.

³² По данным, приводимым Ч. Джаяварденой, удельный вес представителей разных конфессий в индогвианской группе был следующим (в %):

традиционное женское сари), кухня, особенности семейной организации и быта. В то же время вытеснялись традиционные языки, на смену которым приходил английский креоль. В целом можно сказать, что в конце XIX — начале XX в. в основном завершилось формирование новой этнической общности — индогвианской.

Необходимо обратить внимание на то, что в колониальных обществах с этнически неоднородным населением представители британского правящего слоя делили все остальное население на группы, границы которых часто не совпадали с этническими. Например, население Маврикия делилось на «белых», «цветных», «черных», «индийцев» и «китайцев»³³, население Британской Гвианы — на «португальцев», «других европейцев», или «других белых», «цветных», или «смешанных», «негров», «индийцев», «китайцев» и «индейцев». Главным в глазах колониального чиновника был не этнический, конфессиональный или даже расовый, а в первую очередь социальный критерий. Как отмечалось, «смешанные» и «негры» отличались друг от друга преимущественно в расовом и, особенно, в социальном, а не в этнокультурном плане. «Индийцы» говорили на разных языках, принадлежали к различным конфессиям и кастам, но с точки зрения колониальной администрации представляли собой единое целое, так как культура всех их значительно отличалась от английской и, что крайне важно, все они прибыли в страну в качестве законтрактованных рабочих.

Критерии правящих кругов в оценке различных групп населения воспринимались и другими жителями страны. В глазах креола или португальца все выходцы из Индии и их потомки были «индийцами». Потомки иммигрантов с Индостана в ходе этнокультурных изменений, вызванных новыми жизненными условиями и новым этническим окружением, сами начинали ощущать и называть себя «индийцами». Собственно «гвианское» самосознание проявлялось не столь отчетливо, но, приезжая в Индию, рожденный в Британской Гвиане «индиец» становился «гвианцем». В XX в. «индийцы» в Британской Гвиане, в сущности, стали больше «гвианцами», нежели «индийцами», ибо считали эту страну своей родиной. Немаловажную роль в изменении этнического самосознания сыграла и утрата традиционных языков, которые в настоящее время отчасти сохраняются лишь в религиозной практике (хинди и урду) и песенном творчестве (диалект хинди)³⁴.

Как отмечал Д. А. Ольдерогге, «этнонимы меняют свой характер и содержание в процессе исторического развития общества... Весьма распространенное мнение об этнонимах как о неизменном или, скажем осторожнее, устойчивом признаке принадлежности к определенной общественной группе ошибочно»³⁵. Содержание понятия «индиец», как мы уже говорили, менялось, и в XX в. потомков выходцев из Индии уместнее, на наш взгляд, называть «индогвианцами», а после провозглашения независимости страны и изменения ее названия — «индогайанцами» (или гайанцами-индопакистанцами).

Процесс формирования индогвианской этнической общности — тема специального исследования, однако и приведенный нами небольшой материал в общем позволяет предположить, что группа индийского проис-

	1931 г.	1946 г.	1960 г.
индуисты	74,6	72,3	70,0
мусульмане	16,7	17,9	18,3
христиане	6,9	9,2	10,6
атеисты и неустановленные	1,8	0,6	1,1

См. *Jayawardena Ch. Religious Belief and Social Change: Aspects of Development of Hinduism in British Guiana.* — In: *Comparative Studies in Society and History.* The Hague, 1966, v. VIII, p. 211.

³³ *Burton B. Stratification in Plural Societies.* — *Amer. Anthropologist*, 1962, v. 64, № 6, p. 1238—1239.

³⁴ *Tinker J. Op. cit., p. 94.*

³⁵ *Ольдерогге Д. А. Проблемы этнической истории Африки.* — В кн.: *Этническая история Африки.* М.: Наука, 1977, с. 9.

хождения развивалась в целом аналогично индийцам Тринидада (подробно исследованы А. Д. Дридзо)³⁶, и становление новых общностей в обеих странах проходило примерно в одно и то же время — в первой половине XX в.

Значительный рост населения колонии в результате иммиграции «второй волны» потребовал увеличения административного аппарата. Кадры полицейских и низших чиновников комплектовались в основном из креолов, умевших объясняться, читать и писать на английском. «Креолизация» низших звеньев административного аппарата была связана с более высоким юридическим статусом освобожденных рабов-креолов по сравнению с «рабами по контракту» индийского происхождения, а также с их языковой и конфессиональной близостью британским правящим кругам.

В XX в. креольская этническая группа становилась преимущественно городской группой населения. Переселение креолов в города началось сразу после отмены рабства, и доля их там увеличивалась с каждым годом, что в значительной степени было связано с разорением креольских ферм. Крах афрогвианского фермерства в колонии объясняется целым комплексом причин, в том числе и конкуренцией с фермерами индогвианцами³⁷. В городах креолы пополняли преимущественно ряды служащих, ремесленников, пролетариата и люмпен-пролетариата. С 1891 по 1921 г. общая численность креолов выросла на 2,23%, а в городах — на 10,18%³⁸. В 1940 г. в городах проживало 49% всех афрогвианцев (они составляли почти половину городского населения колонии) и 14% индогвианцев (21% городского населения)³⁹. Сельские креолы поддерживали тесную связь со своими родственниками в городах, часто совмещали труд на собственных фермах с работой в городах, на бокситовых разработках и плантациях, причем на плантациях они выполняли наиболее квалифицированные виды труда. Кроме того, они занимались сезонными работами, например уборкой тростника на сафре, т. е. опять-таки были «профессионально» обособлены от индогвианцев.

Таким образом, в этносоциальной истории страны колониальный период довольно четко делится на три этапа. На первом этапе — с середины XVII по 30-е годы XIX в. — здесь на основе плантационной экономики сложилось колониальное рабовладельческое общество, в котором этно-расовая принадлежность прямо коррелировалась с социальной. На втором этапе — с 30-х годов XIX в. по 1917 г. — социальная структура и этнический состав населения колонии в результате отмены рабства и иммиграции законтрактованных рабочих значительно изменились. Именно на этом этапе в целом завершилось формирование афрогвианской этнической общности. В стране появились три «иммигрантские» группы — индийская, португальская и китайская, первая из которых, прежде всего вследствие своей большой численности, начинала постепенно консолидироваться в новую этническую общность. На третьем этапе — с 1918 г. до провозглашения независимости в 1966 г. — внутри колониального общества сохранялись те же этнические компоненты, что и в конце второго этапа, но изменилась его социальная структура. Консолидировались афро- и индогвианская общности. И афро-, и индогвианцы ошущали себя гвианцами, но сознавали и свое отличие друг от друга. Сохранялась внутригрупповая эндогамия.

В колониальном обществе менялись этнический состав и внутренняя структура, но в нем продолжала сохраняться прямая связь расовой и этнической принадлежности человека с его социальным статусом. Колониальные власти стремились сохранить эту связь и использовать ее в своих интересах, намеренно предоставляя некоторые льготы индогвианцам за счет креолов (например, в наделении землей) и креолам за счет

³⁶ См. Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии.

³⁷ Despres L. Op. cit., p. 33—37.

³⁸ Ibid., p. 54.

³⁹ Despres L. Ethnicity and Resource Competition in Guyanese Society.— In: Ethnicity and Resource Competition in Plural Societies. The Hague — Paris, 1975, p. 93.

индогвианцев (в привлечении на службу в колониальный аппарат). Чтобы закрепить в стране сельскохозяйственных рабочих индийского происхождения, им выделялись небольшие участки для ведения собственных хозяйств. Административные кадры пополнялись креолами, ибо индогвианцы в большинстве своем не имели необходимого для этого образования. Существовала и прямая заинтересованность плантаторов и колониальных властей в разобщенности эксплуатируемых. Можно согласиться с выводом американского исследователя Л. Декре о том, что в течение всей колониальной истории Гайаны ее население «различно эксплуатировалось и различно приспособилось к условиям эксплуатации»⁴⁰.

В Британской Гвиане в 50-е годы XX в. афро- и индогвианцы совместно боролись против колониального угнетения и эксплуатации под руководством Народной Прогрессивной Партии (НПП). Борьбе НПП, расколу в ней в 1956 г., созданию партии Народный Национальный Конгресс (ННК), руководимой Ф. Бернхемом, и поляризации политических сил страны по этническому признаку на завершающем этапе борьбы за независимость, посвящены исследования советских авторов, а также работы лидера гайанских марксистов Ч. Джагана⁴¹, поэтому мы не будем останавливаться на этих вопросах.

В получившей автономию Британской Гвиане правительство НПП (1959—1964 гг.), стремясь проводить независимую от иностранных монополий экономическую политику, предпочитало вкладывать основные средства в рисоводство как в чисто «местную» отрасль экономики. Это вызывало недовольство рабочих и служащих креолов. События 1964 г., повлекшие за собой отставку правительства лидера НПП Ч. Джагана, были, в частности, вызваны предложенным правящей партией проектом государственного бюджета, предусматривавшим значительные вложения именно в развитие рисоводства. Немалую роль в нагнетании напряженности в стране в этот период сыграли разведывательные органы США, что признают и американские авторы⁴². Однако, как нам представляется, главной причиной сложившейся ситуации было все-таки различие в социальном положении большинства членов двух основных этнических групп населения. Креолы и индогвианцы, как и их лидеры, в известной степени по-разному видели будущее своей страны. В результате потери большинства на очередных выборах, НПП уступила власть «более умеренному», афрогвианскому по своему составу, ННК.

Следует отметить, что разобщенность этнических групп населения колонии на завершающем этапе борьбы за независимость, вызвавшая определенную поляризацию политических сил по этническому признаку, не является спецификой Британской Гвианы. Подобное положение характерно для колониальных стран с этнически неоднородным составом населения. Р. Н. Исмагилова, анализируя ситуацию в странах Тропической Африки, отмечала, что пока народы боролись против колониального порабощения, против общего врага, вопросы этнических отношений отходили на второй план, несмотря на то, что колониальные власти инспирировали межэтническую вражду⁴³, а после достижения независимости этнические отношения обострились.

В конце 60-х годов XX в. этническая и социальная история страны вступила в новый этап. Провозглашение независимости Гайаны, национализация в 70-х годах собственности иностранных сахарных и бокситовых компаний⁴⁴, а также «гайанизация» административно-управленческого аппарата повлекли за собой важные изменения в социальной струк-

⁴⁰ *Despres L. Ethnicity and Resource Competition...*, p. 110.

⁴¹ *Джаган Ч.* Указ. раб.; см. также: *Ковальская А. С.* На пути к свободе. М.: Мысль, 1973; *Богословский В. Н.* Борьба Народной Прогрессивной Партии за независимость страны.— В кн.: Гвиана...

⁴² *Martin J. B.* United States Policy in the Caribbean. Bolder, Colorado, 1978, p. 136—137.

⁴³ *Исмагилова Р. Н.* Этнические проблемы современной Африки. М.: Наука, 1973, с. 27.

⁴⁴ Подробнее см. *Бороздина Р. И.* Экономика Гайаны: 15 лет независимого развития.— Латинская Америка, 1981, № 10, с. 19—34.

туре. Стоящее у власти руководство партии ННК, на словах выступая за единство всего трудового народа страны, на деле проводило политику, часто ущемлявшую интересы трудящихся индогайанцев; практически оно не уделяло внимания тем сферам экономики, в которых преимущественно были заняты представители этой этнической общности, например рисоводству, о чем свидетельствуют и правительственные издания⁴⁵. В стране, как отмечает канадский исследователь Д. Бартелс, фактически сложилась политическая элита, опирающаяся на армию и полицию⁴⁶. Партия ННК выражала в основном интересы мелкой буржуазии и чиновничества африканского происхождения, хотя пользовалась поддержкой креольского пролетариата.

Создание собственной государственности повлекло за собой замену англичан в аппарате государственного управления преимущественно креолами и появление афрогайанской политической элиты; «гайанизация» экономики привела к созданию афрогайанской же административно-управленческой элиты в руководстве национализированными предприятиями. Гайанский экономист К. Томас указывает, что национализация и «гайанизация» экономики в условиях сохранения Гайаны в рамках мировой капиталистической системы способствовали не достижению подлинной независимости, а началу формирования в стране управленческой, в сущности, неоконпраторской элиты⁴⁷.

Появление нового правящего класса — креольского — закономерно вызывает обострение межэтнических отношений. Как известно, совпадение социально-классовых и этнических различий является существенным источником межэтнических противоречий. Кроме «гайанизации», на практике превращающейся в «афрогайанизацию» административно-управленческого аппарата, необходимо в этой связи отметить и изменение социальной ориентации масс индогайанцев. Английский исследователь Р. Смит в начале 60-х годов писал, что если афрогвианцы стремились стать квалифицированными рабочими или занять посты в управленческом аппарате, то большинство индогвианцев связывало повышение своего социального статуса с занятиями рисоводством, а также с торговлей или «свободными профессиями». Не объясняя причин столь разной социальной ориентации представителей двух основных этнических групп, он вместе с тем отмечал, что «в последние годы положение стало меняться»⁴⁸. Проводивший сбор полевого материала в Гайане в конце 60-х годов пакистанский исследователь М. Рауф считает, что социальная ориентация в большинстве случаев менялась у третьего поколения представителей группы индийского происхождения⁴⁹. Вряд ли можно точно определить временной и «поколенный» рубеж смены ориентации, так как, на наш взгляд, он не мог совпадать у жителей разных районов страны, у городских и у сельских. Однако в целом этот рубеж был связан, очевидно, с изменением этнокультурного облика потомков выходцев с Индостана и знаменовал новый этап в становлении и развитии индогайанской общности. Сейчас это изменение ориентации проявляется сильнее, однако получившие образование и специальность индогайанцы не могут найти работы в «афрогайанизированном» административно-управленческом аппарате страны и вынуждены искать ее за рубежом, преимущественно в США, Канаде и Великобритании.

Наряду с ростом межэтнических противоречий имеет место и усиливающаяся поляризация общества по социально-классовому признаку. Трудящиеся афро- и индогайанцы все чаще выступают совместно в за-

⁴⁵ Decade of Agriculture: 1966—1976. Georgetown, 1976.

⁴⁶ Bartels D. Catastrophe Theory and Dialectical Change in Guyanese Race and Class Relations.— *Current Anthropology*, 1981, v. 22, № 4, p. 435.

⁴⁷ Thomas C. Meaning Participation: The Fraud of It.— In: *The Aftermath of Sovereignty: West Indian Perspectives*. N. Y., 1973, p. 356.

⁴⁸ Smith R. T. Ethnic Difference and Peasant Economy in British Guiana.— *Capital, Saving and Credit in Peasant Societies*. Chicago, 1964, p. 329.

⁴⁹ Rauf M. *Indian Village in Guyana*. Leiden, 1974, p. 52—53.

щиту своих интересов⁵⁰. Вместе с тем руководство индогайанской марксистско-ленинской Народной Прогрессивной Партии продолжает учитывать возможность совместных действий с ННК в борьбе за демократическое переустройство общества⁵¹, так как значительное число афрогайанцев поддерживает правящую партию — ННК, считая, что НПП выражает интересы лишь лиц индийского происхождения. Следует отметить, что начиная с середины 1970-х годов правительство ННК проводит активную антиимпериалистическую внешнюю политику, участвует в Движении неприсоединения; и внутриэкономические мероприятия правительства сохраняют свое объективно прогрессивное значение. Все это создает основу для совместных действий ННК и НПП в борьбе против колониализма, за построение в стране подлинно справедливого демократического общества.

Итак, после провозглашения независимости экономика Гайаны сохраняет в сущности колониальный характер, и социальная структура также все еще остается, пользуясь терминологией Д. А. Ольдерогге, структурой колониального общества. В значительной степени продолжает сохраняться зависимость социального статуса человека от его этнической принадлежности. Соответственно межэтническая интеграция объективно затруднена различиями в социальном и профессиональном положении основной массы представителей двух разных этнических групп населения страны — афро- и индогайанцев. Совместная борьба политических партий и других массовых организаций за уничтожение наследия колониализма может способствовать достижению единства трудящихся Гайаны и в дальнейшем послужить объективной основой для ликвидации этнических противоречий.

⁵⁰ *Колмор К.* Силы солидарности в борьбе.— Всемирное профсоюзное движение. 1980, № 1, с. 14.

⁵¹ *Джаган Джанет.* За дело рабочего класса, за интересы трудящихся.— Проблемы мира и социализма. 1982, № 11, с. 32.